

Аннотация: Статья посвящена анализу понятийной и аксиологической составляющих концепта «бедность / poverty» в творчестве О.Генри. В статье приводятся результаты дефиниционного и контекстуального анализа ключевых слов-репрезентантов концепта, а также других лексем, вербализующих данный концепт. Проведенный анализ позволяет выявить дополнительные, контекстуально обусловленные признаки концепта «бедность / poverty», не входящие в семантическую структуру ключевых слов, репрезентирующих концепт.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, аксиологический концепт, понятийная составляющая, аксиологическая составляющая, аксиологическая картина мира, ценность.

Антропоцентрическая парадигма научного знания в наибольшей степени проявляет себя в развитии ряда современных направлений лингвистики, включая когнитивную лингвистику и лингвокультурологию. В рамках антропоцентрической парадигмы познание окружающего мира происходит в процессе осознания человеком собственного «я», собственной теоретической и предметной деятельности. При этом человек выступает в качестве носителя культуры своего этноса и накопленного поколениями предшественников коллективного опыта. В процессе приобщения к собственной культуре в сознании человека структурируются знания о том, что обладает большей или меньшей ценностью в обществе, культуре и т.д. Формой представления таких структурированных единиц знаний является концепт.

Лингвокультурный концепт представляет собой единство понятийной, образной и ценностной составляющих. Аксиологическая составляющая концепта активно изучается на материале фольклорного дискурса [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Мифологический концепт как разновидность лингвокультурного концепта повторяет его структуру, включая в свой состав помимо понятийных признаков признаки перцептивно-образного и ценностного характера [8]. Концепт, актуализируемый в произведениях народной словесности, трактуется также как познавательное-эмоциональное концепт, что является отражением эмоционального освоения человеком (или группой людей) действительности [9]. Особое внимание современными исследователями уделяется изучению национально-специфических характеристик концепта [10; 11; 12; 13].

Структурированные знания индивида о системе ценностей социума определяются как аксиологические концепты. Для них характерно наличие универсального и национально-специфического элементов. Аксиологические концепты ретранслируют национальную культуру, определяют шкалу ценностей и морально-нравственные приоритеты социума [14, с. 141]. В настоящее время наметился подход к более широкому толкованию знаний об аксиологических доминантах общества, которые приобретают статус категории модальности, представляющей собой концептосферу с ядерно-периферийной структурой, которая изучается в рамках эзотерического и аргументативного дискурсов [15; 16].

Многочисленность работ, посвященных исследованию ценностных приоритетов общества, свидетельствует о возросшем интересе к данной проблеме. Вместе с тем, представляется важным изучать особенности аксиологической составляющей индивидуально-авторской концептосферы в рамках художественного дискурса, поскольку авторская мировоззренческая позиция накладывается на выработанные обществом представления о моделях межсубъектного взаимодействия, обогащая их новыми смыслами. В настоящей публикации предполагается рассмотрение понятийной и аксиологической составляющей концепта «бедность / poverty» в ходе дефиниционного и контекстуального анализа репрезентирующих его языковых единиц, выполненного на матери-

але рассказов О. Генри.

Этимологический словарь английского языка on-line дает следующие сведения о развитии лексемы poverty: poverty – с. 1175, from O.Fr. *poverté*, from L. *paupertatem* (nom. *paupertas*) “poverty”, from *pauper*; poor - с. 1200, from O.Fr. *poure* (Fr. *pauvre*), from L. *pauper* “poor”, perhaps a compound of *paucus* “little” and *parare* “to get” [17].

Лексема poverty заимствована из латинского языка *paupertas*, *pauper* через старофранцузский *poverté*. Корень *pau-* – индикатор принадлежности лексемы к индоевропейской группе языков. Исследователь М.М. Маковский проследил путь становления латинского слова *pauper* «бедный» - *pau-paro-s* - «мало получающий». Первый элемент соотносится с лат. *paucus* - «мало», гот. *fawai*, а второй с лат. *parare* «брать, получать»; ср. дат., шв. *fattig* «бедный» (букв. «мало берущий») [18, с. 38].

Соответственно, концепт имеет такие первичные понятийные признаки как:

1. Бедность – низкий уровень благосостояния;
2. Бедным является тот, кто мало берет;
3. Бедным является тот, кто мало получает.

На основе первичных понятийных признаков, можно сделать вывод, что в ядре исследуемого концепта аккумулируются смыслы, связывающие бедность с низким уровнем благосостояния, обусловленным объективно-субъективными причинами. Именно этот смысл становится основным значением лексемы poverty. Значение, имеющее индоевропейские корни (ср. ие. *peu-* «бить, резать»), выходит из употребления.

Следует отметить, что *poor* подразумевает негативную оценку, связанную с лишениями и тяготами:

Cf. *poor* – прил. 1) а) бедный, малоимущий, неимущий *Syn: hard up, underprivileged, unemployable, needy, indigent, destitute Ant: privileged, upper-class, wealthy, well-to-do* б) низкий, плохой, скверный (об урожае; о качестве) в) неплодородный (о почве) г) недостающий, недостаточный *Syn: deficient, wanting, insufficient, inadequate;*

2) а) бедный, несчастный *poor fellow!* - *бедняга!* *Syn: unfortunate, hapless* б) жалкий, невзрачный в) недавно умерший, покойный *Syn: late, deceased;*

3) скудный, жалкий, плохой; ничтожный; убогий *in my poor opinion Syn: scanty.*

poor – сущ. мн. или коллект. бедные, малоимущие, неимущие [19].

Рассказ «Алебарщик маленького замка на Рейне» является ярким примером того, как богатые люди потешаются над бедностью других людей. Главному герою в силу своего бедственного положения пришлось устроиться алебарщиком в ресторан. Его обязанности состояли в том, чтобы стоять в помятых бронзовых латах, как у принца Альберта, в штанах из золотистого сплава меди и цинка, в шляпе из медной амальгамы и держать в руке «то ли нож для разделки мяса, то ли альпеншток, или жезл свободы» привлекать клиентов на второй этаж ресторана. Отношение героя к богатым людям, можно выявить на основе его речи, которая полна язвительного сарказма, адресованного богатым людям. Для усиления

речевой экспрессии автором противопоставляются контекстуальные синонимы (*rich — poor, humble; luxury — misfortune*): “*The restless rich*”, — says he, “*never content with their luxuries, always prowling among the haunts of the poor and humble, amusing themselves with their misfortunes*” (“*The halberdier of the little Rheinschloss*”) [20].

Однако, такое отношение к бедным людям, свойственно не всем богатым людям. Так героиня рассказа «Мишурный блеск» напротив, заявляет, что благосостояние и статус в обществе её будущего мужа совершенно её не волнует. Ей важно, чтобы её избранник с почтением относился к бедным, имел цель в жизни и ни в коем случае не был богатым повесой: “*I could love a man with dark and kind blue eyes, who is gentle and respectful to poor girls, who is handsome and good and does not try to flirt. But I could love him only if he had an ambition, an object, some work to do in the world. I would not care how poor he was if I could help him build his way up. But, sister dear, the kind of man we always meet—the man who lives an idle life between society and his clubs—I could not love a man like that, even if his eyes were blue and he were ever so kind to poor girls whom he met in the street*” (“*Lost on Dress Parade*”) [20].

Другой герой рассказа, напротив, пытается изобразить из себя богатого и швыряющего на ветер деньги человека, откладывая каждую неделю по одному доллару, в конце каждой десятой, надевая маску состоятельного джентльмена, проводит вечер в свое удовольствие: *For this evening he was an exhibit as well as a gazer. For the next sixty-nine evenings he would be dining in cheviot and worsted at dubious table d’hôtes, at whirlwind lunch counters, on sandwiches and beer in his hall-bedroom* (“*Lost on Dress Parade*”) [20]. Возможно, если бы он был самим собой – девушка обратила бы на него своё внимание: “*This way of living that you speak of,*” she said, “*sounds so futile and purposeless. Haven’t you any work to do in the world that might interest you more?*” (“*Lost on Dress Parade*”) [20].

Описание гардероба клерка Тауэра Чендлера сопровождается легкой авторской иронией: Cf. *The remainder may be guessed by those whose genteel poverty has driven to ignoble expedient* (“*Lost on Dress Parade*”) [20]. ...*Eyes bright, sinister, curious, admiring, provocative, alluring were bent upon him, for his garb and air proclaimed him a devotee to the hour of solace and pleasure* (“*Lost on Dress Parade*”) [20].

Далее обратимся к пословице, которую О.Генри использует в одном из своих рассказов: *There is a saying that no man has tasted the full flavour of life until he has known poverty, love and war* (“*The Complete Life of John Hopkins*”) [20]. Пословица может быть интерпретирована следующим образом: человеку, для испытания себя в жизни необходимо пройти основные этапы, на первом месте в данном списке стоит бедность, поскольку в самом начале жизненного пути человека материальная составляющая играет решающую роль. Богачи выпадают из данной цепи: они как правило не испытывают и других звеньев этой цепочки. Богатым людям чужды искренние эмоции, и они редко встречают на своём пути настоящую бескорыстную любовь, да и в войнах богатые люди редко участвуют – это удел обычных людей. Выходит, чтобы познать жизнь человек должен познать вкус бедности.

В своих дальнейших размышлениях, автор с иронией истолковывает её содержание, тем самым отражая свою индивидуально-авторскую позицию: *In rural places the terms do not mean so much. Poverty is less pinching; love is temperate; war shrinks to contests about boundary lines and the neighbors’ hens. It is in the cities that our epigram gains in truth and vigor* (“*The Complete Life of John Hopkins*”) [20].

Героиня рассказа «На Чердаке» мисс Лисон в поисках комнаты оказалась на пороге пансионата миссис Паркер. Автор кратко повествует нам о предыстории событий, включая в рассказ экскурсию по комнатам, кото-

рую проводит хозяйка пансионата. Писателем с юмором описаны преимущества и недостатки каждой комнаты, учитывая финансовые возможности искателей приюта: *Then — oh, then — if you still on one foot with your hot hand clutching the three moist dollars in your pocket, and hoarsely proclaimed your hideous and culpable poverty, nevertheless would Mrs.Parker be cicerone of yours* (“*A Skylight Room*”) [20].

Бедный человек – неудачник, который в условиях жестокой конкуренции оказывается на дне. В следующих отрывках создается контекстуальная организация текста. Лексемы с узуальной оценочностью (*poor, hungry, out of luck*) создают эффект самоиронии [21]: “*Kind sir, could you spare a poor, hungry man, out of luck, a little to eat?*” (“*According to Their Lights*”) [20]. Собственно, может быть благодаря самоиронии, нищий и получит вождленную еду.

Таким образом, нам удалось выявить новые дополнительные значимые признаки, не входящие в общее представление о бедности: бедность приобретает запах (*gasolined gloves*), ассоциируется в большей мере с большими городами (*It is in the cities that our epigram gains in truth and vigor*), включает в себя страх, обреченность (*it is abject, staring, unpicturesque poverty, with ready-made clothes*), неудачу (*a poor, hungry man, out of luck*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Неклюдов С.Ю. Что такое хорошо и что такое плохо: из бурятской народной аксиологии // Живая старина. 2011. № 1. С. 55-57.
2. Плахова О.А. Динамика мифологического концепта «великан» (на материале английских народных сказок) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 2. С. 95-100.
3. Плахова О.А. Мифологическое и социальное в образе Тома Хикатрифта: описание макроструктуры концепта // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. Т. 4. № 16. С. 52-60.
4. Плахова О.А. Медиаторная роль мифоконцепта «Мальчик с пальчик / Tom Thumb» в английской национальной концептосфере // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2011. № 2. С. 79-86.
5. Плахова О.А., Астафурова Т.Н. Демифологизация концепта «fairy» в англоязычном сказочном дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2011. № 2. С. 84-90.
6. Шемякина М.К. Квинтэссенция выражения концепта «возрождение» в поэтике русского традиционного устного народного творчества // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 10. С. 197-203.
7. Шемякина М.К. Концепт «возрождение» в аксиологической системе русской традиционной культуры // Дискуссия. 2012. № 5. С. 25-33.
8. Плахова О.А. Мифологический концепт как разновидность лингвокультурного концепта // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 70. № -6. С. 29-32.
9. Абышева Е.М. Взаимосвязь знания и чудесного в русской народной сказке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С. 126-129.
10. Буланов П.Г. Структура аксиологического пространства афро-американского дискурса // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 8. С. 264-271.
11. Буланов П.Г. Коммуникативная структура аксиологического пространства афро-американского дискурса // Образование и наука. 2010. № 5. С. 45-51.
12. Назарьева Ю.С. Фразеологические и паремические метафоры как средство объективации концепта «old age» в англо-американской языковой картине мира // Иностранные языки в высшей школе. 2011. № 3. С. 24-31.
13. Унарокова Р.Б., Унарокова Г.Ш. Лингвокультурный концепт «насып / счастье» в адыгей-

ском языке // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 244-247.

14. Форофонтюва Ю.Л. Аксиологический концепт сквозь таксономическую призму (на примере концепта судьба) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 8. С. 141-146.

15. Биктимирова Г.Р. Когнитивно-прагматический аспект модальности в аргументативном дискурсе (на материале англоязычных СМИ) // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13. № 1. С. 86-89.

16. Ахметова А.М. Концептосфера модальности в

эзотерическом дискурсе (на примере англоязычных гороскопов) // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3(1). С. 1615-1617.

17. <http://www.etymonline.com>

18. Маковский М.М. Язык-миф-культура: символы жизни и жизнь символов. М., 1996. 329 с.

19. <http://www.wordreference.com>

20. O. Henry. 100 Selected Stories. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions Ltd., 1995. 735 p.

21. Манджиева С.В. Ключевые концепты в рассказах О. Генри: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010. 24 с.

VERBALIZATION OF THE AXIOLOGICAL CONCEPT «БЕДНОСТЬ / POVERTY» IN O. HENRY'S STORIES

© 2013

O.K. Prosvetova, teacher of the English language, candidate for Master's degree at Togliatti State University
Municipal secondary school № 16, Togliatti (Russia)

Annotation: The article is devoted to the analysis of the notional and axiological components of the concept «бедность / poverty» in the O. Henry's collected works. The article gives results of the definitional and contextual analysis of the key words and other lexical units which verbalize the concept under description. The analysis allows to reveal additional, determined by the context characteristic features of the concept «бедность / poverty» which are not reflected in the semantic structure of the key words which represent the concept.

Keywords: cognitive linguistics, axiological concept, notional component, axiological component, axiological world model, value.

УДК 371.322.2

ВЛИЯНИЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ С УЧЕТОМ СПОСОБОВ ВОСПРИЯТИЯ ИНФОРМАЦИИ НА УРОВЕНЬ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

© 2013

Н.И. Пустовалова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры психологии

Л.С. Альмагамбетова, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры теории
 и методики начального и дошкольного образования

Северо-Казахстанский государственный университет им. М. Козыбаева, Петропавловск (Казахстан)

Аннотация: В статье описываются результаты педагогического эксперимента по выявлению влияния индивидуализированного обучения на уровень знаний учащихся по математике, приводятся примеры индивидуализированных заданий.

Ключевые слова: индивидуализация, индивидуальный подход, стили обучения, способы восприятия информации, индивидуализированные задания.

Современное образование ориентировано на обеспечение самоопределения личности, создание условий для ее самореализации. При этом система организации обучения содержит в себе противоречие между преобладающей фронтальной формой организации образования и индивидуальным характером усвоения знаний, навыков и умений.

В связи с этим разработка и внедрение модели индивидуализации обучения учащихся становится одной из важнейших задач школы.

Исследованием индивидуализации обучения, соответствующей организации учебного процесса занимались многие педагоги, психологи, методисты (И.Унт, А.А.Кирсанов, М.В. Кларин, Е.С. Рабунский). Некоторые стороны индивидуализации в методике обучения математике рассмотрены в работах А.Е. Абылкасымовой, А.С. Акрамовой, В.А. Гусева, Г.В. Дорофеева, Г.В. Монахова, А.В. Белошистой, Е.Ю. Берлизовой, Е.И. Барцевич, К.А. Шулакаевой и др.

Индивидуализацию обучения, Л.Б. Гиль, С.В. Соколова [1] рассматривают как «организацию учебного процесса учётом индивидуальных особенностей обучающихся» обеспечивающую реализацию в учебном процессе основного принципа гуманизации образования – обращение к личности, индивидуальности обучающегося и создание условий для его самоактуализации. Принцип индивидуального подхода в дидактике предполагает учет таких особенностей обучающихся, которые влияют на его учебную деятельность и от которых зависят результаты учения

По мнению В.И. Писаренко [2], индивидуализа-

ция обучения подразумевает использование стилового подхода в разработке и реализации учебного процесса. Сущность стилового подхода состоит в учете стиливых особенностей обучаемых, поиске путей развития присущих им познавательных стилей, а также расширении их стилового репертуара. Каждый человек осваивает мир (воспринимает, понимает и объясняет происходящее) в рамках того стиля, который у него сложился. Под стилем учения он понимает индивидуально-своеобразные способы усвоения информации в учебной деятельности (в более широком понимании — присущие данному студенту устойчивые способы взаимодействия с образовательным пространством, частью которого он является).

Таким образом, стили учения (или индивидуально-своеобразные способы учебной деятельности) по своей природе непосредственно зависят от особенностей образовательной технологии (в том числе отличительных характеристик учебной ситуации и своеобразия учебной мотивации обучаемого, а также методов обучения, типа учебника, позиции преподавателя, статуса образовательного учреждения). В свою очередь, индивидуальные способы учебной деятельности, вырабатываются под влиянием присущих обучаемому познавательных стилей (стилей кодирования и переработки информации, постановки и решения проблем, познавательного отношения к миру) [2, с.100].

В нашем исследовании мы опирались на классификацию стилей обучения, предложенную М. Гиндером [3], который выделяет три стиля в зависимости от способов восприятия информации: визуальный, аудиальный и кинестетический. Учитывая данные стили, нами была